

Организация сельскохозяйственного производства на местах¹

А. В. Чаянов

Публикатор — Владислав Олегович Афанасенков, старший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Аннотация. Публикуемый текст был обнаружен в фонде советского партийного экономиста Льва Натановича Крицмана (ф. 528) Архива Российской Академии наук и прежде не публиковался.

Текст представляет собой 16 листов (без оборота) машинописи без автографа и каких-либо рукописных авторских правок и помет. Кроме того, в документе не встречаются прямые указания на время его создания. К делу присовокуплены еще два документа: письмо Л. Н. Крицману от 26 декабря 1929 г., второй — обрывок текста, написанного рукой Чаянова, очень близкого по содержанию к публикуемому и, видимо, являющегося одним из его черновых вариантов. На обороте данного листа надписано — «2-й Дом Советов. Ком[ната]. 327. Л. Н. Крицман от А. Чаянова».

В тексте декларируется концепция постепенного «врастания» крестьянского сектора в социализм через добровольную «кооперативную коллективизацию» за счет использования побудительных механизмов сугубо экономического характера. Аналогичный теоретический базис был подложен под ленинский «кооперативный план» и бухаринскую теорию мирного врастания капиталистических элементов в социализм. В этих идейно-теоретических альтернативах сталинской коллективизации крестьянин понимался как полноценный субъект хозяйственно-экономической деятельности и социалистического строительства, нуждающийся не в директиве, а во всемерном способствовании разнообразным нуждам инструментами государственной политики.

Чаянов, отказываясь от выбора между совхозным строительством и тотальным обобществлением крестьянского сельскохозяйственного сектора, выдвинул альтернативную программу социалистического строительства, в том числе подвергая основательной ревизии и собственные позиции по ряду вопросов. Привлекая конкретные данные, Чаянов стремился продемонстрировать, насколько далеко вперед ушла советская деревня от наивысшей точки развития предвоенной экономики, и что советское крестьянство перестало быть просто «объектом агрономического воздействия». Следовательно, в современных реалиях старые методики и схемы работы агрономического персонала оказывались, по мысли Чаянова, непригодными.

Объединенные в одно дело документы архивисты датировали 1930 годом. Что за этим стоит, нам неизвестно, но такая датировка вызывает определенные со-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

мнения. С уверенностью судить можно только об относительной датировке и нижней хронологической рамке написания этой работы — 1927 г., так как по сведениям адресно-справочного издания «Вся Москва» в комнату под номером 327 Второго Дома Советов Крицман переехал только в 1927 г. (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год: 3-й год издания Московского Совета: С приложением нового плана г. Москвы. М., 1927. С. 147).

Относительно верхней границы сомнений больше. Если допустить, что все перечисленные документы действительно связаны между собой, то текст следует датировать по письму Крицману. В этом письме Чайнов сообщал о том, что завершение работы над неким агрономическим очерком (в соавторстве с П. Я. Гуровым и С. Г. Ужанским) откладывается из-за того тяжелого душевного состояния, в которое он впал по итогам первых дней работы Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, а кроме того, что «не дождавшись садыринской статьи я выбросил всю “реальную действительность” и кончил свою “кооперацию” в том же сугубо теоретическом плане как и начал» (АРАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 137. Л. 1). Речь здесь могла идти о статьях для «Большой советской энциклопедии», в которой Крицман вплоть до 1931 г. редактировал отдел экономических наук и подраздел экономической политики, или же для одного из периодических изданий, членом редколлегии которого был Крицман (например, «На аграрном фронте»). «Кооперацией» Чайнов мог назвать публикуемый нами текст, который и выслал Крицману для корректуры и редактуры.

К концу 1929 г. положение Чайнова уже было чрезвычайно шатким. Оно еще более пошатнулось по итогам Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, на которой была устроена настоящая идеологическая травля Чайнова и его коллег. Видимо, после выступления Сталина Крицман решил повременить с публикацией или же полностью отказаться от публикации Чайнова. В БСЭ так и не была помещена ни одна статья за его подписью. Впрочем, статьи за подписью Гурова и Ужанского в соответствующих томах также не встречаются. Не вышел в свет и публикуемый ниже текст.

И если наша логика верна, то смелость Чайнова трудно переоценить: в условиях колоссального идеологического и психологического гнета он решился во всеулышание объявить о своем несогласии со сталинским курсом.

Редакторские примечания помечены *Ред.* и даны в квадратных скобках.

Ключевые слова: государство, коллективизация, крестьянство, общественная агрономия, социализм, Чайнов.

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-6-20

Одним из самых важнейших вопросов нашей экономической политики является вопрос о том, как и в каких формах наше сельское хозяйство, почти сплошь крестьянское, может быть увязано в систему государственного капитализма и могут ли эти формы впоследствии стать основанием для дальнейшего развития в сторону начал социалистического хозяйства и перерастания самой переходной системы государственного капитализма.

Нельзя сказать, чтобы этому вопросу у нас не уделялось бы достаточно внимания. Его затрагивали и затрагивают очень многие авторы, однако затрагивают почти исключительно в самых общих чертах — указывая то на систему государственного регулирования, то на кооперацию, то на государственную торговлю и кредит как

на формы увязки сельского хозяйства с городской промышленностью, в организации которой наиболее ярко выражены основы государственного капитализма.

Никакого сколько-нибудь отчетливого развертывания этих положений, никакой детализации при этом обычно не проводится, и совершенно нельзя себе представить, как мыслят себе различные авторы молекулярное строение новой русской деревни, конкретное каждодневное хозяйственное и общественное поведение Иванов, Сидоров, Панкратов и Емельянов — каждого в отдельности и всех сообща.

А именно в этой, конечно, конкретизации и лежит суть дела, именно она-то и может осветить нам те молекулярные сдвиги и процессы, которые могут переродить весь социальный массив крестьянских хозяйств и совершенно видоизменить его качество как материала для всякого рода социальных построений.

В конкретной обстановке сегодняшнего дня этот вопрос можно формулировать следующим образом — должны ли мы рассматривать крестьянское хозяйство как стихию распыленных карликовых семейных хозяйств, в отношении которых система государственного капитализма должна усвоить себе те же методы работы, как и система обычного капитализма, т. е. организовывать его методами рыночного давления, втянуть в орбиту своего влияния и сделать источником первоначального накопления обычными приемами торгового и финансового капитализма, или же мы должны признать, что в толще крестьянского хозяйства исторически развиваются такие процессы, которые при дальнейшем их развитии идут на изживание стихийности и распыленности крестьянских хозяйств и вносят начала крупного общественного хозяйства, и тем позволяют и наше сельское хозяйство органически ввести в рамки планового хозяйства системы государственного капитализма.

В первом случае дальнейший путь развития должен идти на уничтожение крестьянского хозяйства и постепенное развитие на его место крупных фабрик зерна и мяса, а во втором — на все большее усиление в среде хозяйств мелких товаропроизводителей элементов общественного крупного хозяйства до оптимальных его размеров в условиях земледельческого производства и на органическое сращивание получившейся новой системы организации земледелия с крупной городской индустрией.

Само собою понятно, что вопрос этот не может быть решен методами логических рассуждений кабинетного порядка, и только сам исторический процесс развития нашей деревни может дать на него ответ.

Однако и в настоящее время мы можем и должны проследить, имеются ли в окружающей нас деревенской действительности в наличности те экономические и социальные элементы, развитие которых может привести ко второму варианту разрешения нашего ос-

нового вопроса, т. е. постепенному органическому перерождению крестьянской стихии в высшие формы организации производства.

О теоретически мыслимых формах такого развития мы с большой подробностью и говорили в статьях, посвященных производственному значению сельскохозяйственной кооперации и формам индустриализации сельского хозяйства, где, как нам кажется, нам удалось установить теоретическую возможность этой формы эволюции крестьянских хозяйств. Однако для практической политики сегодняшнего дня нам важны не теоретические возможности, а действительная наличность описываемых процессов в крестьянском хозяйстве, их удельный вес в настоящей фазе исторического развития русской деревни и те методы государственного воздействия, при помощи которых эти процессы могли бы быть усилены и ускорены.

Вот, собственно, в этом-то и лежит сейчас центр вопроса.

Развитие русской экономической и политической мысли до революции и особенно в первые ее годы в значительной степени замыкалось кругом городских проблем и городских интересов. Деревня интересовала нас только постольку, поскольку она входила как фактор, давящий на общегосударственные и городские интересы. Отсюда наша малая осведомленность о положении дел в глубине деревни, куда нам приходится теперь при оживлении к ней интереса чуть ли не посылать особые экспедиции, подобные экспедициям в Центральную Африку.

Однако для местных работников агрономов, кооператоров и других хозяйственников просто по их ежедневным впечатлениям ясно, что наша деревня, вместе с развитием в ней денежно-товарных отношений и повышением на мировом рынке конъюнктуры на сельскохозяйственные продукты, начала сравнительно быстро перестраиваться, и в ней начали появляться те элементы общественного хозяйства, которые начали придавать ей более высокий тип организованности.

Организация деревни выразилась в развитии в ее толще, частью в зачатке, а часто в значительной степени следующих элементов общественного хозяйства и жизни, которые совершенно были неизвестны в деревне до 1905 года.

1. Правильная организация поселений по территории, выдел поселков и вообще правильное, рациональное землеустройство.
2. Организация водоснабжения инженерными средствами.
3. Организация дорожного дела и оборудования шоссейных и других подвездных² путей к станциям железных дорог.
4. Оборудование местного оборота товаров торговыми помещениями, весами, складами, элеваторами, холодильниками и пр.

2. Исправлено, в оригинале — «поуездных путей» — *Ред.*

5. Приближение к населению почты, телеграфа, телефона и других средств связи.
6. Развитие кооперативной сети и связанных с нею местных комбинатов по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов (маслодельные, картофелетерочные, сушильные, консервные и пр. заводы).
7. Развитие и рационализация местной вспомогательной к сельскому хозяйству промышленности (ремонтных мастерских, кузниц и пр.).
8. Развитие сети агрономических пунктов и других вспомогательных сельскохозяйственных установок (племенные и семенные хозяйства, зерноочистительные, случные и прокатные пункты и пр.).
9. Силовая организация района, т. е. его электрификация и снабжение тракторными отрядами.
10. Организация общественной медицины, ветеринарии и санитарии.
11. Развитие сети школ, изб-читален, местных музеев, народных домов, театра и других форм культурной работы.
12. Организация социальной жизни района и установление ее связей с культурными центрами и материальное оборудование этой работы.

Ясно, что вся эта организационная работа, постоянно нарастая количественно на фоне развивающейся кооперативной коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств, с течением времени приведет к неизбежному качественному перерождению деревни и ее историческому переходу к новым формам общественного бытия.

Развитие всех перечисленных элементов — незаметное, будничное, но постепенно нарастающее для местных работников, было ясно уже с 1911 года, но оно казалось само собою подразумевающимся, и ему не придавали *никакого принципиального значения*³, несмотря на всю его историческую важность.

Для того чтобы не быть голословным, мы позволяем себе привести справку о современном состоянии развития вышеописанных элементов организации деревни по данным о состоянии их в Московском уезде, т. е. уезде, далеко не отличающемся особой сельскохозяйственной организованностью.

Главная тяжесть работ по реорганизации местного хозяйства выполняется земельными отделами местных советов и в своей главной части падает на аппарат так называемой агрономической помощи населению.

В Московском уезде этот аппарат, помимо центральной уездной группы специалистов и агрономов, разбивается на 12 участков, из которых каждый обслуживает примерно одну мелкорайонную

3. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания из текста оригинала — *Ред.*

волость, имеет при себе небольшой участок земли и возглавляется участковым агрономом. По рукописным отчетам этих агрономов мы и даем нашу справку.

С 1 октября 1923 года до 1-го октября 1924 года при значительном участии агрономов и специалистов было разверстано 14 однопланнных селений и в 11 случаях произведен выдел селения на хутора и отруба, и, что самое главное, в 80 селениях было произведено внутриобщинное землеустройство и разбивка на широкие полосы. Число полос, принадлежавших одному крестьянину в каждом поле до разбивки, было 3,5, после разбивки — 2,0, сообразно этому средний размер полосы был ранее — 222 кв. сажени, стал теперь 648 кв. сажени. Одновременно с переходом к широким полосам совершился переход к улучшенным севооборотам. До перехода к широким полосам из 80 селений в 89% их было трехполье, после перехода к широким полосам трехполье осталось только в 1,3% селений, остальные перешли к иным, в подавляющем числе случаев, рациональным севооборотам.

80 селений, переорганизовавшие свою территорию в 1924 году, составляли к 569 селениям уезда 14%, вместе же с селениями, перешедшими к широким полосам в предыдущие года, они составляли 278 селений или 48% селений, рационально организовавших свои территории. Темп реформы, как может видеть читатель, поражает своей быстротой. Еще более удивителен темп развития травосеяния.

К 1924 году в уезде с травосеянием было 134 селения (23%), в течение 1924 года к травосеянию перешло 85 селений, всего, следовательно, 219 или 38%, что из 350 селений, оставшихся без травосеяния, в 130 оно вообще экономически нерационально (огородные и другие более интенсивные районы), остается еще в трехполье 200 селений, которые при темпе процесса будут переведены к травосеянию в 3—4 года, самое большее.

Параллельно с землеустройством в 13 товариществах велись мелиорационные работы, и за год было прокопано свыше 30 верст осушительных каналов, и предпринимались широкие мероприятия по улучшению лугов.

О размахе организационной и социальной работы, проделанной в 12 агроучастках, можно судить по следующим данным.

Агроперсонал пропустил через:

1. 613 бесед по сельскому хозяйству в 419 селениях — 16340 слушателей, затратив на беседы 1226 часов;
2. 347 лекций по сельскому хозяйству в 264 селениях 15968 слушателей, затратив на них 1101 час;
3. 35 общих и специальных углубленных курсов 1472 человека, затратив на них 1271 час;
4. 4395 индивидуальных консультаций;
5. 3 сельскохозяйственные выставки, через которые прошло 21000 человек, по преимуществу крестьян.

Всего, следовательно, в соприкосновение с агроперсоналом крестьяне в порядке лекций, бесед и консультаций пришли в 38175 случаях и 49000, если считать посещения выставок. Работа приняла подлинно массовый характер.

В дополнение к устной пропаганде в среде населения бесплатно было распространено более 3000 экземпляров сельскохозяйственных книг, и находилось в работе 33 библиотеки с 15000 томов, которые, однако, считались агрономами еще далеко не полными.

Помимо этой области обычной по своей методике агропропаганды весьма успешно практиковались и новые формы работы в виде представления агропес и агросудов, устройства сельскохозяйственных праздников и проведение всякого рода кампаний.

Еще большего внимания заслуживают методы объективного воздействия на крестьянское хозяйство.

Так, в 95 селениях уезда на землях 110 домохозяев заложено 124 показательных участка с разными сравнительными опытами сельскохозяйственных улучшений и, кроме того, в 100 пунктах производственные опыты с сортоиспытанием вызвали массовый спрос на селекционный посевной материал.

На 74 прокатных пунктах, находящихся в распоряжении 12 агроучастков уезда, работало 929 сельскохозяйственных машин, обслуживших 1811 домохозяев, в частности, на этих пунктах обмолочено и очищено 26905 пудов овса, ржи и пшеницы. Необходимо отметить, что в этот учет совершенно не входит работа многочисленных прокатных пунктов сельскохозяйственной кооперации.

8 случных пунктов с 18 жеребцами покрыли 27 крестьянских лошадей, работа по другим видам животноводства только еще налаживается. В обширных размерах ведется борьба с вредителями. Всего агроперсонал за 1924 год сделал 5205 рабочих выездов с агробаз.

Перечисленная работа 12 агропунктов дополняется работой 189 сельскохозяйственных кооперативов, насчитывающих по данным МОЗО⁴ в уезде на 1 октября 1924 года. О характере работы этой кооперативной сети можно судить по ее составу. На 1 октября 1924 года было 6 коммун, 33 артели, 16 товариществ по совместной запашке, 19 мелиоративных, 18 животноводческих, 13 по электрификации, 22 кредитных, 8 сельскохозяйственных, 3 молочных, 1 по семеноводству, 2 пчеловодных, 7 кустарных артелей, 13 машинных товариществ и 28 потребительских обществ.

Перечисленных сведений, относящихся к одной только отрасли работы *в пределах одного только уезда*, совершенно достаточно для того, чтобы убедиться, что деревня наша находится в состоянии бурного хозяйственного брожения и организации и что на месте рутинного покоя разобщенных, оторванных друг от друга местных хозяйств, мы видим, хотя, быть может, и первые шаги,

4. Московский земельный отдел — *Ред.*

но весьма внушительные для того, чтобы признать существующими в наличности процессы перерождения нашей деревни, о которых мы говорили в начале нашей работы, а это предрешает уже решение нашего основного вопроса в пользу второго варианта.

В связи с важностью рассматриваемого нами вопроса мы должны несколько более подробно остановиться на главном организуемом начале описанного процесса нашего агрономического аппарата и его работе в области агрономической помощи населению.

Мы знаем, конечно, что далеко не везде дело обстоит столь блестяще, как в Московском уезде, однако, насколько можно судить по отзывам местных агрономов, наезжающих в Москву, по впечатлениям от агрономических конференций и всякого рода печатным материалам, отчетам, статьям и даже книгам — местная агрономическая работа за последние годы начинает постепенно пробуждаться от того почти десятилетнего застоя, который начался в 1914 году и на многие годы сорвал агрономических работников с их участков — бросил на фронта, на продовольственное дело, на организацию совхозов, в школы, в коммерцию, в канцелярии земотделов, агробазы, словом, всюду, кроме крестьянских полей и стойл.

Теперь этот тяжелый период, видимо, кончился или, точнее, кончается. Вырастает и начинает работать новая агрономия. Наблюдателю и участку этого процесса, естественно, хочется прежде всего осознать основное направление этой новой агрономической работы, хочется установить, что происходит перед нами — возрождение ли старой агрономии, или же зарождение чего-то нового.

Вокруг этого вопроса ведутся ожесточенные споры, принимающие подчас острый, чуть ли не политический характер, сталкиваются лбами «молодые» и «старые», признающие преемственность советской культуры от культуры России до 1917 года и не приемлющие ничего от отжившего мира.

Во всяком случае вопрос этот стоит на очереди и требует если не своего разрешения, то по крайней мере своего выяснения и, быть может, упразднения.

Нам кажется, что если подойти к вопросу с некоторым хладнокровием, то обе стороны — и «возрождатели», и «зарождатели» — окажутся и правы и неправы.

Если понимать «возрождение» как реставрацию старой агрономической работы в целом, то «возрождатели» явно неправы и вдобавок исторически наивны... В 1924⁵ году уже безвозвратно не существует ни старой деревни, ни старого земства, ни всей старой общественно-политической атмосферы, в условиях которых сложилась и существовала старая местная агрономия.

С другой стороны, однако, глубоко неправы и те, которые хотели бы новое строить с голого места и весь опыт старой земской агрономии считали бы отжившим и выбрасывали за борт вместе

5. Исправлено по смыслу, в оригинале — 1912 год — *Ред.*

с прочими элементами отжившего строя. Это было бы грубой организационной ошибкой. Ни Ленин, ни другие вожди Октябрьской революции никогда не отрицали того факта, что наша советская культура в малом преемственна от культуры русского дореволюционного общества и многие ее элементы и идеи в зачатке были свойственны русскому общественному сознанию еще задолго до 25 октября 1917 года. Сами основные, определяющие собою современное наши бытие идеи коммунизма и диктатуры пролетариата зародились за многие десятилетия до этой исторической даты.

Точно так же обстоит дело и с агрономической работой. Нашу довоенную общественную агрономию нельзя рассматривать как нечто единое, устоявшееся и крепко спаянное с устоями старого дореволюционного общества. Агрономическая общественность и агрономическая работа была частью общерусской общественности и русской жизни с такой же пестротой идей и взглядов на сельское хозяйство, с борьбою самых разнообразных течений и с весьма большим многообразием методов работы. При этом необходимо отметить, что большинство руководящих агрономических идей были впервые сформулированы за самое последнее время и почти совершенно не успели еще получить более или менее заметного конкретного воплощения.

Поэтому единственно правильным отношением к нашему старому опыту агрономической работы является внимательный анализ каждой из его рабочих идей и технических методов и отбор того жизненного и практически полезного, что может быть использовано в работе текущего дня.

Вся задача лежит не в отрицании старого, а в определении того, какие элементы этого старого могут быть практически полезны в новом.

Сказанного достаточно для того, чтобы понять неправильность противопоставления «старого» и «нового». Решение спора лежит в формулировании наших задач как задачи организации новой системы агрономической помощи населению, соответствующей новой политической и социально-экономической обстановке, при непрерывном условии использования всех тех элементов старого опыта общественной агрономии, которые могут быть практически полезны, а их, как мы увидим ниже, будет очень много.

Постараемся теперь сообразно сказанному выяснить что же «нового» и что из «старого» будет содержаться в нашей завтрашней работе.

Для всякого знакомого с нашей теперешней народно-хозяйственной жизнью, ясно, что новое по преимуществу будет заключаться в сознании политической сущности агрономической работы и ее социально-экономических заданиях, а из старого опыта будут по преимуществу взяты некоторые организационные принципы и значительная часть педагогических и технических методов рабо-

ты, а также весь тот огромный агрономический и технический опыт, который за ряд десятилетий сумела скопить наша наука.

В самом деле, мы должны как новое учесть те нижеследующие элементы работы:

1) Старая агрономия была не только оторвана от государственной политики старой России, но в своем значительном большинстве враждебна ей и во многом представляла собою «государство в государстве». Это обстоятельство создавало такую обстановку, в которой агрономы пытались нередко путем «сказа» и «показа» врачевать техническими реформами глубочайшие язвы нашего до-революционного земледелия. Само собою понятно, что в значительной части работы это приводило к беспомощному топтанию на месте, так как искомый агрономический эффект в значительном числе случаев не мог быть достигнут ни «сказом», ни «показом», а совершенно иными мероприятиями аграрной, торговой, налоговой и тарифной политики государственной власти.

В настоящее время, когда агрономические мероприятия слились воедино со всеми другими государственными мероприятиями в единую систему государственной экономической политики, такая изолированность уже не может иметь места, и стихийному развитию крестьянских хозяйств должна быть предоставлена не агротехническая пропаганда как таковая, а вся система экономической политики и агрономическая помощь как органическая часть этой системы.

Говоря иначе, агрономическая работы в каждом пункте ее программы должна быть поддержана мерами аграрной, торговой, налоговой и других отраслей государственной политики, а, с другой стороны, сама агрономическая работа не может выйти из общего русла государственной политики и встать с ней в противоречие, ибо она есть только служебная часть целого.

2) Как органическая часть целого агрономическая работа неизбежно должна преследовать в своей деятельности те же задачи и цели, которые ставит перед собою это целое. Поскольку экономическая политика СССР направлена на создание системы государственного капитализма и вовлечение в нее распыленного сельского хозяйства, агрономические работы должны соотносываться с этими заданиями.

В отношении крестьянского хозяйства проникновение капитализма происходило прежде всего в формах торгового и финансового капитализма, т. е, захвата в руки капитала крестьянского товарооборота и кредитования его в ростовщических формах. Затем в круг влияния капиталистических форм хозяйства попадали процессы первичной переработки сельскохозяйственных продуктов, которые отделялись от земледелия в особые уже индустриального типа предприятия (маслоделие, картофельное дело, консервирование, льнотрепание и проч.).

Система государственного капитализма, как мы видим, прежде всего и стремится занять эти позиции капитализма и в формах го-

сударственной, главным образом кооперативной торговли, кредита и производства занять диктующее положение в этих отраслях местного хозяйства. Естественно, что задачей агрономии является связать свою работу с этими опорными пунктами, а главным образом организовать население и увязать его с местными сельскохозяйственными кооперативами так, чтобы этим каждый кооперированный крестьянский двор вошел хотя и не в непосредственную, но все же определенную организационную связь с планирующими органами нашей республики.

Последняя фраза может показаться утопичной по своему содержанию, но мы склонны утверждать, что даже уже сейчас в картофельной, маслодельной и отчасти льняной кооперации РСФСР плановая увязка центров уже начинает захватывать в свое влияние и лежащие в основе кооперативной системы крестьянские хозяйства.

Помимо увязки крестьянских хозяйств вокруг хозяйственных органов системы государственного капитализма в лице главным образом кооперативных организаций агрономия неизбежно должна производить их кристаллизацию и вокруг агробаз, сем- и племхозов, зерноочистительных и прокатных и случных пунктов и тем самым увеличивать в составе крестьянской стихии элементы общественного хозяйства.

3) Некоторые изменения должны произойти и в социальных основаниях работы. Прежде всего мы, по всем вероятностям, должны будем отказаться от злоупотребления выражением «объект агрономического воздействия», ибо наш крестьянин, пройдя через школу войны и революции, вырос на много голов из «объекта» и успел превратиться в «субъекта» строительства современной деревни. Как может быть это ни обидно для нашего самочувствия, но хозяином агрономического прогресса в деревне после революции становится крестьянин в лице своих советских и кооперативных организаций.

Период агрономического «просвещенного абсолютизма» кончился. И если кое-где это еще не так, то это должно быть так. Социальный момент неизбежно отразится и на определении тех слоев деревни, обслуживанию которых будет посвящена агрономическая работа. Обычно местная агрономия при разработке своей программы намечала свои планы. Часто, как, например, это отмечали южные⁶ агрономы ([Л. П.] Сокальский⁷ и др.), реализация этой программы оказывалась непосильной для маломощных слоев деревни, и они фактически оказывались за бортом агрономической работы.

6. Исправлено, в оригинале — «ложные агрономы» — *Ред.*

7. Леонид Петрович Сокальский (точные годы жизни не установлены, скончался на 47-м году жизни в 1919 или 1920 г.) — земский агроном, действительный член и секретарь Харьковского общества сельского хозяйства. Сотрудничал в «Агрономическом журнале». В годы Гражданской войны — профессор Донского политехнического института — *Ред.*

Еще в 1911 году северные агрономы отмечали ненормальность этого положения вещей и выдвигали идею дифференциальной программы, согласно которой агрономическая программа должна предвидеть социально-экономическое расслоение деревни и для каждого слоя ее выискивать формы прогрессивной эволюции⁸. Однако до войны эта идея не нашла себе сколько-нибудь заметного воплощения. В условиях современной сельскохозяйственной политики она, естественно, становится обязательной.

Таковы при новых обстоятельствах агрономической работы в значительной мере видоизменяющие их социально-экономическое содержание и значение.

Переходим ко второй части нашей темы и постараемся уяснить, требуют ли эти новые задания новых организационных и технических методов агрономической работы, или они могут быть выполнены теми же приемами, какими работала старая земская агрономия.

В этом вопросе существуют различные точки зрения. Вряд ли это теперь припомнят, но в 1921 году один из докладчиков Московского общества сельского хозяйства предлагал объединить крестьянские хозяйства в группы по 30–50 штук и над каждой такой группой посадить в качестве управляющего агронома, снабженного крепкими административными полномочиями, а ввиду того что для таковой операции требовались бы десятки тысяч агрономов, не имеющих в наличности, предлагалось весь наличный агроперсонал сосредоточить в двух-трех губерниях, предоставив остальное на стихийное течение. Столь радикальный проект упразднения крестьянства вызвал возражение всех присутствующих, а в том числе и двух членов коллегии Наркомзема, и далее не разрабатывался.

Значительно более реальным проектом была идея государственного регулирования, выдвинутая Н. Осинским в последние месяцы эпохи военного коммунизма. Согласно ей крестьянские хозяйства должны были в административном порядке получать количественные задания на разные культуры и проводить элементарные проверенные на опытных полях новые приемы земледелия: вспашка на зябь и т. п.⁹.

8. По всей видимости, Чалянов имел в виду доклад представителей Ярославского земства, прочитанный на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению в феврале 1911 г.: *Ошанин М., Пиотрашко Л., Дмитриев А.* Работа и взаимоотношения земской и правительственной агрономических организаций в Ярославской губернии // Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 октября 1911 г. Т. I. Материалы по I и II секциям (доклады и журналы заседания). М., 1911. С. 62–66 — *Ред.*

9. См. статью Осинского в «Правде» от 5 сентября 1920 г.: «На будущий год к этому первому пласту может уже добавиться следующий: примитивные указания, чем именно засеять (скажем, например, овсом, а не в обход развертки другими кормовыми средствами), и как обрабатывать землю (регулирование обязательными постановлениями времени первой вспаш-

Однако с переходом к новой экономической политике этот проект был значительно сужен и при практическом проведении свелся к проведению всем памятной посевкампании 1921 и 1922 года, в которой элемент административного вмешательства почти не ощущался. Однако идея «агрономического предписания» и в настоящее время не может считаться оставленной, и вокруг нее до сих пор в агрономической среде идут оживленные споры.

Как это ни странно, но мы не склонны считать этот вопрос принципиальным — в быту нашей обширной деревни элементов «агрономического предписания» в виде обязательного «севооборота», заказа лугов и покоса и многого другого всегда было достаточно, и они не новы. Всякого рода лесохранительные, мелиоративные и ветеринарные мероприятия также всегда носили характер «предписания». Дело поэтому не в принципе, а в целесообразности, т. е. в факте. Нужно путем подробного изучения установить, какой из этих методов с наименьшей затратой материальных средств и организационных сил может добиться тех же реальных массовых результатов. В конце концов дело цены, которую покупается результат.

Мы уверенно полагаем, что при соединенных усилиях аграрной, торговой, налоговой, тракторной и иных форм экономической политики, с одной стороны, и кооперативной и агрономической работы — с другой, мы можем сделать без мероприятий видимого неэкономического принуждения все или почти все, ну а в том, что не входит в это «почти все», может быть произведено и административное вмешательство, если, конечно, оно действительно обеспечивает достижение цели, недорого, не разрушает побочно чего-либо в хозяйственной жизни и не вызывает социальных осложнений.

Таким образом, из этого мы видим, что в значительной своей части остается в силе вся методика агропропаганды и весь арсенал приемов и методов, с помощью которых пробуждала крестьянскую самостоятельность и направляла ее на путь агрономического прогресса старая агрономия.

Могут сказать, что при нашем понимании вещей фактически участковый агроном будет делать почти все то же, что он делал, скажем, в 1913 году, и спросят, что же тут нового. На это мы ответим, что солдатская трехлинейная винтовка при взятии Перекопа стреляла в руках красноармейца совершенно так же, как стреляла она на Бзуре и в битве под Праснышем, но в первом случае она была оружием революции, а во втором — винтовкой старой армии.

Весь вопрос — в ее прицеле. А социально-экономический прицел агрономической работы нами формулирован с достаточной ясностью.

ки, повторения ее, обязательной вывозки навоза и пр.» (Осинский Н. Сельскохозяйственный кризис и социалистическое строительство в деревне // Правда. М., 1920. № 196. 5 сентября. С. 2) — *Ред.*

А кроме того, необходимо отметить, что участковый агроном 1924 года будет работать далеко не совсем так, как работал он в 1913 году, и благодаря перевороту, происшедшему в нашей деревне, круг его возможностей значительно расширился и в его руках помимо «сказа» и «показа» имеется немало и более материальных способов воздействия. В его руках — подбор машин на всех кооперативных и государственных складах, он определяет состав улучшенных семян, бросааемых в крестьянские хозяйства, в его распоряжении все племхозы и племенные рассадники, он может регулировать технические требования при приемке сельскохозяйственных товаров, при организации сбыта и прочие пути для прямой экономической интервенции в толщу крестьянских хозяйств.

Говоря образно, если ранее агрономия пыталась путем воздействия на крестьянское сознание организовать сельскохозяйственное бытие, то теперь она получает вдобавок к этому возможности путем прямого воздействия на материальное бытие хозяйства — формировать крестьянское сознание.

Вот, собственно, и все, что автор хотел сказать. Читатели, знакомые с нашей политикой в области агрономической помощи могут убедиться, что мы не столько критикуем, сколько утверждаем. Единственное, с чем я не могу согласиться, — это с часто наблюдаемым на местах забвением основного зоотехнического правила, согласно которому для получения высоких выходов всех сельскохозяйственных животных, в том числе и нас, агрономов, совершенно необходимо держать не на поддерживающем, а на продуктивном кормлении.

АРАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 137. Неавторизованная машинопись.

Organization of agricultural production at the local level

A. V. Chayanov

Vladislav O. Afanasev (publisher), Senior Researcher, Moscow School of Social and Economic Sciences; Junior Researcher, Research Centre for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Abstract. This typescript was found in the fund of the Soviet party economist Lev Natanovich Kritzman (F. 528) in the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS), and has never been published before. The typescript consists of 16 sheets without an autograph or any handwritten corrections and marks. The typescript does not have any direct indications of the time of its creation. There are two more documents: a letter to Kritzman of December 26, 1929, and a fragment of the text written by Chayanov's hand, which is very close to this typescript and seems to be one of its drafts. On the back of this sheet, there is an inscription — "2nd House of Soviets. Room 327. To L. N. Kritzman from A. Chayanov".

The typescript presents the concept of the gradual 'rooting' of the peasant economy in socialism through the voluntary 'cooperative collectivization' and with the incen-

tive mechanisms of a purely economic nature. We can see similar theoretical bases in Lenin's 'cooperative plan' and Bukharin's theory of the peaceful ingrowth of capitalist elements into socialism. In these ideological-theoretical alternatives to Stalin's collectivization, the peasant was considered a full-fledged subject of the economic activity and socialist construction, who needed all possible assistance with the state policy measures rather than commands.

Chayanov refused to choose between the state-farm construction and the total socialization of the peasant agricultural sector. He developed an alternative program of socialist construction, which included the thorough revision of his own positions on some issues. Based on the data, Chayanov sought to show how far the Soviet village had moved from the pinnacle of the pre-war economic development, and that the Soviet peasantry had ceased to be 'an object of the agronomic influence'. Thus, according to Chayanov, in contemporary realities, old methods and schemes of agronomic work became ineffective.

Archivists dated the documents in the file to 1930. We do not know reasons for such dating, but it raises some doubts. We can be certain about relative dating and the lower chronological frame — 1927. According to the address-reference book *All Moscow*, Kritzman moved to Room 327 of the 2nd House of Soviets in 1927 (*All Moscow (1927) Address-Reference Book for 1927: 3rd year of publication by the Moscow Council; with the new plan for the city of Moscow, Moscow, p. 147*).

There are more doubts about the upper chronological frame. If all these documents are really related to each other, the text should be dated according to the letter to Kritzman. Chayanov wrote that he had not finished an agronomic essay (in collaboration with P. Ya. Gurov and S. G. Uzhansky), because he was terribly upset by the first days of work of the First All-Union Conference of Marxist Agrarians. Moreover, Chayanov "did not get Sadyrin's article, which made him throw away the whole 'reality' and end his 'cooperation' in the same purely theoretical terms as he had started" (ARAS. F. 528. Inv. 5. F. 137. L. 1). Chayanov could mean his articles for the *Great Soviet Encyclopedia*, in which Kritzman edited the section of economic sciences and the subsection of economic policy until 1934; or for one of the periodicals, in which Kritzman was a member of the editorial board (for instance, *On the Agrarian Front*). Chayanov could use the word 'cooperation' as a title for the typescript sent to Kritzman for proofreading and editing.

By the end of 1929, Chayanov was in an extremely difficult situation, and it became even worse after the First All-Union Conference of Marxist Agrarians, at which Chayanov and his colleagues were ideologically persecuted. Probably, after Stalin's speech, Kritzman decided to postpone or abandon this publication. There is no article by Chayanov in the *Great Soviet Encyclopedia*, and no articles by Gurov or Uzhansky in the corresponding volumes; and this typescript was not published.

If our reasoning is correct, Chayanov's courage can hardly be overestimated: under the huge ideological and psychological pressure, he decided to publicly announce his disagreement with Stalin's course.

Editor's notes are marked as Ed. and given in square brackets.

Key words: Chayanov, collectivization, peasantry, state, social agronomy, socialism.